

УДК 81-139
DOI 10.17223/18137083/65/19

**Л. А. Араева, М. Н. Образцова, А. В. Проскурина,
Ф. Э. Абдуллаева, Го Лихун**

Кемеровский государственный университет

**Как мысль реализуется в языке:
пропозиционально-фреймовая организация гнезд
однокоренных слов и устойчивых словосочетаний
с единым ядерным компонентом в разноструктурных языках***

Цель настоящего исследования – выявление особенностей познания мира человеком в пределах такой деривационной категории, как гнездо однокоренных слов и устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом в разноструктурных языках. Для достижения поставленной цели проводится апробация метода пропозиционально-фреймового моделирования однокоренных слов и устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом в пределах фрейма «коневодство» в русском, телеутском и китайском языках. Анализируемые гнезда в рассматриваемых языках реализуются в пределах одних и тех же

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-2601.2017.6 «Специфика деривационного пространства гнезда однокоренных слов в разноструктурных языках (на материале русского, телеутского и китайского языков)».

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; araeva@list.ru)

Образцова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; maria_obraztsova@mail.ru)

Проскурина Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; proscurina@yandex.ru)

Абдуллаева Фатма Эйваз Кызы – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; fatima2888@mail.ru)

Го Лихун – аспирант кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; guolihong2477@126.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Л. А. Араева, М. Н. Образцова, А. В. Проскурина, Ф. Э. Абдуллаева, Го Лихун, 2018

глубинных пропозициональных структур, что свидетельствует о едином механизме работы мозга представителей различных этносов. Сопоставление пропозиционально организованного семантического пространства гнезд в разноструктурных языках выявляет особенности этнической языковой картины мира.

Ключевые слова: разноструктурные языки, пропозиционально-фреймовое моделирование, гнездо однокоренных слов и устойчивых словосочетаний с единым вершинным компонентом, словообразовательный тип, этническая языковая картина мира.

Мир познается человеком с помощью категоризации, на что обращают внимание философы и лингвисты: Аристотель, Н. Н. Болдырев, Дж. Брунер, Л. Витгенштейн, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Н. Хомский и др. Цель настоящего исследования – выявить гносеологическую роль такой деривационной категории, как гнездо однокоренных слов и типизированных устойчивых словосочетаний в русском и китайском языках и гнездо типизированных устойчивых словосочетаний с единым вершинным (ядерным) компонентом в китайском и телеутском языках. Важно отметить, что в китайском языке конкретная лексическая единица идентифицируется как словосочетание или сложное слово, образованное при помощи сложения двух корней, основ, с учетом характера лексической сочетаемости [Семенас, 2005, с. 34].

Словообразование наиболее очевидно проявляет формально-семантические особенности категоризации мира. Словарный состав в современных развитых языках представлен преимущественно производными единицами либо типизированными устойчивыми словосочетаниями, создающимися серийно, по аналогии в рамках таких абстрактных суждений, как пропозициональная структура (ПС). «Именно способность производного слова объективировать пропозициональные структуры и затем служить их простому угадыванию, способность служить такой единицей номинации, которая удобна для упаковки информации и использования ее в речевой деятельности, и характеризует производное слово как особую когнитивно-дискурсивную структуру. Попадая в разряд единиц, служащих обозначению одной и той же пропозициональной структуры, а значит, одной и той же ситуации, объекта, процесса или признака, производное слово становится тем самым объектом когнитивной семантики» [Кубрякова, 2004, с. 394].

Типизированные устойчивые словосочетания с единым ядерным компонентом, равно как и однокоренные производные слова, в пределах гнезда не только репрезентированы в рамках ПС, но и пропозиционально связаны между собой. На глубинном уровне данная связь проявляется в пространстве пропозициональных структур, единых для представителей современной земной цивилизации. Данное положение согласуется с мыслью В. фон Гумбольдта о том, что на самом абстрактном уровне все языки устроены одинаково и в результате можно говорить о едином человеческом языке [Гумбольдт, 1984]. Попадая в плен конкретного языка, ПС своеобразно актуализируются в вербализованных стереотипных суждениях – пропозициях, отягощенных как веками сложившейся языковой формой, так и культурными традициями нации, проявляющими особенности этнической языковой картины мира.

Исследования в области словообразования с использованием метода пропозиционально-фреймового моделирования проводятся представителями Кемеровской дериватологической школы, которыми за 27 лет опубликовано более 1 000 научных трудов. В рамках Кемеровской дериватологической школы пропозиционально-фреймовый подход используется на материале русского, телеутского, киргизского, алтайского, китайского языков при анализе словообразовательных типов; гнезд, ниш; компактных пропозиционально организованных тематических объединений производных слов либо типизированных устойчивых словосочетаний,

оформленных специализированным формальным средством; многозначных производных единиц; словообразовательно-пропозициональной синонимии. В пределах словообразовательных категорий в аспекте пропозициональной связанности исследуются полимотивационные процессы (см. работы Л. А. Араевой, Е. В. Белгородцевой, О. А. Булгаковой, К. А. Демиденко, И. В. Евсеевой, Т. В. Жуковой, П. А. Катышева, Т. В. Ковалевой, У. В. Керексибесовой, М. С. Косыревой, И. А. Крым, В. С. Кузнецовой, С. И. Ли, Е. Е. Максаковой, М. Н. Образцовой, С. В. Оленева, М. А. Осадчего, А. В. Проскуриной, С. К. Соколовой, М. Дж. Тагаева, И. П. Фаломкиной, А. Н. Шабалиной).

Саратовские исследователи с когнитивных позиций рассматривают словообразовательные типы и гнезда однокоренных слов в русском языке. С позиции представителей Саратовской лингвистической школы когнитивная интерпретация гнезда однокоренных слов вскрывает языковое моделирование мира через «овеществленный мотивировочный признак, запечатленный в вещественном значении вершинного слова гнезда», что дает «возможность установить корреляции разных ментальных моделей, а также корреляции разных денотативных сфер в сознании познающего мир человека» [Крючкова, 2004, с. 282]; пропозиционально-фреймовый метод при этом выявляет «векторы концептуализации референтной области» [Кэртепе, 2010, с. 5].

Подход к гнезду однокоренных слов и устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом как к формально-семантическому единству, представляющему «комплексную ситуацию, или фрейм (в значении “комплексное знание, заданное в форме стереотипных значимостных ситуаций”)» [Осадчий, 2013, с. 9], «позволяет обнаружить направления семантических связей, устанавливаемых между ядерным, вершинным словом и его однокоренными “собратьями”. Внутренняя системность гнезда однокоренных слов порождается “сюжетным”, “ситуативным” характером человеческого мировидения» [Там же, с. 8]. «Носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему “очевидных” ролевых связей между словами-явлениями» [Там же]; «фиксирует наиболее прототипичные ситуации (фреймы), закрепляя их подсознательно в совокупности родственных слов. И уже затем языковое мышление осуществляется в пространстве этих ситуаций. Категоризация мира посредством связей в гнезде осуществляется в пределах фрейма, который выступает как элемент или единица категоризации» [Образцова, 2013, с. 63].

В процессе мотивации слово получает лексическое наполнение через соотнесенность с тем или иным корневым единством и формальное, типовое – через связь с определенным словообразовательным типом. «Специфика деривационного пространства, возникающая в рамках гнезда однокоренных слов, определяется спецификой всей словообразовательной системы в целом, взаимодействием комплексных словообразовательных единиц (типов и гнезд). А его целостность обусловлена особенностями ядерного компонента корневого единства» [Там же].

В каждом языке заложен специфичный взгляд на мир [Сепир, 2003, с. 131]. При этом существуют языковые универсалии, обеспечивающие непротиворечивое понимание между носителями разных языков. Например, в основе пропозиции «мясо животного» в различных языках находится ПС «результат – действие – объект». В то же время производные слова и устойчивые словосочетания в разных языках образуются в границах разных пропозиций и пропозициональных структур, что провоцирует различную их категоризацию. Тем не менее пропозициональное устройство языкового мышления характерно для носителей современных языков, что доказательно представлено при анализе словообразовательных гнезд в разноструктурных языках. Общим в структуре гнезд рассматриваемых языков является наличие у всех членов гнезда единого вершинного слова.

Представляется значимым для выявления особенностей этнического мировосприятия рассмотрение гнезд, в ядре которых находится слово, именуемое один и тот же жизненно важный для разных народов объект. В качестве такого гнезда в русском, китайском и телеутском языках нами рассматривается гнездо однокоренных слов и типизированных устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом в рамках фрейма «коневодство». Анализу подвергаются лексемы и устойчивые словосочетания мутационной семантики. Размеры статьи не позволяют уделить должного внимания тому, как человек относится к именуемому объекту, что сфокусировано в модификационном значении и является объектом отдельного исследования.

Выбор языков для сопоставления неслучаен. Мы живем в эпоху глобализации, которая представляет собой неоднозначное явление. С одной стороны, наблюдается стремление к унификации культур, а с другой – возникает неподдельный интерес к этнокультурам. Современный мир переживает своеобразный этнический ренессанс. Люди начинают проявлять интерес к своим и чужим культурным традициям. В мировом сообществе возрастает внимание ко всему, что связано с этнокультурными особенностями. В последние годы такими мировыми авторитетными организациями, как ООН и ЮНЕСКО, проводятся мероприятия, направленные на сохранение культурного разнообразия. В России активно развиваются экономические и культурные контакты с китайцами. Становится актуальным изучение китайского языка для осуществления эффективной межкультурной коммуникации. Русский и китайский языки используются в международной коммуникации, телеутский язык – язык коренного малочисленного народа севера России. В настоящее время телеутов насчитывается в мире около 2 500 человек, большая часть которых проживает в Беловском, Гурьевском, Новокузнецком районах Кемеровской области. Около 1 500 телеутов компактно обосновались в с. Беково Беловского района. Телеутский язык, относящийся к тюркской языковой группе, используется телеутами только в устной форме общения в быту.

Анализ в аспекте пропозиционально-фреймового моделирования гнездового пространства фрейма «коневодство» в разноструктурных языках позволяет выявить общие и этнические черты познания мира. В дальнейшем планируется сопоставительное исследование иных словообразовательных гнезд в русской, китайской и телеутской лингвокультурах¹.

Материалом исследования послужили однокоренные слова и типизированные устойчивые словосочетания с единым ядерным компонентом фрейма «коневодство», выявленные в результате бесед со студентами и преподавателями Цицикарского университета, извлеченные из китайско-русских словарей [Синьхуа цзы дянь, 2004; Баранова, Котов, 2010; Большой китайско-русский словарь, 1983], Телеутско-русского [1995] и Русско-телеутского словарей [2002], Словообразовательного словаря русского языка [Тихонов, 1990], из видео- и аудиоматериалов экспедиций в места поселения телеутов, которые проводились преподавателями Кемеровского государственного университета с 2007 по 2018 г. Анализируемый материал не является окончательным, но он обладает достаточными информативными данными для выполнения поставленной цели.

В русском языке в пределах фрейма «коневодство» представлено два гнезда с вершинами *конь* и *лошадь*, в телеутском также обнаружено два гнезда с вершинами *мал* и *ат*, в китайском – одно гнездо с лексемой 马 [mǎ].

На разных этапах работы над статьей были использованы значимые для конкретного этапа методы. При сборе материала из словарей – метод сплошной вы-

¹ В качестве удачного примера можно привести кандидатскую диссертацию М. Н. Образцовой, где описаны словообразовательные гнезда в телеутском и русском языках в пределах фрейма «пчеловодство» [Образцова, 2013].

борки. В беседах с информантами применялся метод анкетирования; проведена серия психолингвистических экспериментов по методу «свободной классификации», ориентированных на выявление ядерных и периферийных зон исследуемого фрейма. Проведенные эксперименты выявили, что значительное число устойчивых словосочетаний в телеутском и производных единиц в китайском языках обозначают коня по его масти. При анализе материала использовались также описательный, сопоставительный методы, метод пропозиционально-фреймового моделирования. Гнезда в границах фрейма «коневодство» проанализированы на единых методологических основаниях: в них выделены пропозициональные структуры, пропозиции, показана специфика пропозиционального разворачивания фрейма «коневодство» в каждом из рассматриваемых языков.

Анализ лексикографических источников показывает, что зоолексема 马 [mǎ] в китайском языке – единица, обладающая значительным деривационным потенциалом, имеет широкое фреймовое расслоение. Данная лексема образует ряд производных единиц, относящихся к разным предметно-понятийным областям: названиям других животных (ср.: 马猴 [mǎ hóu] ‘огромная мартишка’, 马蝉 [mǎ chán] ‘чикада’ и др.); наименованиям флоры и фауны (马齿型玉米 [mǎ chǐ xín-guòmǐ] ‘кукуруза зубовидная’, 马齿苋 [mǎ chǐ xiàn] бот. ‘портулак огородный’) и др. [Фу Хуайцин, 2004]. Имеются также названия лошадей с модификационной семантикой, которая в настоящем исследовании не рассматривается, ср.: 骏马 [jùn mǎ] ‘благородный скакун, рысак’; 弩马 [nú mǎ] ‘кляча; одёр’.

В связи с поставленной целью остановимся на анализе семантических связей производных слов с мутационной семантикой в гнезде с ядерным компонентом 马 [mǎ] в рамках фрейма «коневодство», реализованном следующими ПС и пропозициями (П):

ПС объект₁, имеющий отношение к объекту₂ по возрасту:

П детеныш коня:

小马 [xiǎomǎ] – жеребенок: ‘小 маленький + 马 лошадь’;

ПС результат – действие – объект:

П мясо коня:

马肉 [mǎ ròu] – конина: ‘马 конь/лошадь + 肉 мясо’;

ПС средство – действие – объект:

П средства, предназначенные для коня:

马槽 [mǎ cáo] – кормушка для лошадей: ‘马 лошадь + 槽 кормушка’;

马鞭 [mǎ biān] или 马策 [mǎ cè] – плетка для лошади: ‘马 лошадь + 棒 плетка’;

马具 [mǎ jù] – конский убор, сбруя, упряжь;

马被 [mǎ bèi] – попона: ‘马 лошадь + 被 надевать; укрывать’;

马掌 [mǎ zhǎng] – конская подкова;

ПС место – действие – объект:

П место для коня:

马场 [mǎ chǎng] – ипподром: ‘马 лошадь + 场 площадь, поле’;

马厩 [mǎ jiù] – конюшня: ‘马 лошадь + 厩 скотный двор’;

ПС средство использования объектом:

П средство передвижения с использованием коня:

马车 [mǎ chē] – конная повозка, телега’;

ПС субъект – действие – объект:

П работник, ухаживающий за конями:

驯马师 [xùnmǎ shī] – тренер, дрессировщик лошадей: ‘驯 тренировать + 马 лошадь + 师 тренер’;

马夫 [mǎ fū] – конюх (взрослый работник): ‘马 лошадь + 夫 работник’;

马童 [mǎ tóng] – конюх (подросток): ‘马 лошадь + 童 подросток’;
养马员 [yǎngmǎ yuán] – конюх: ‘养 кормить + 马 лошадь + 员 работник’;
马车夫 [mǎ chēfū] – кучер: ‘马 лошадь + 车 телега, повозка + 夫 работник’;

ПС *объект – количество*:

П *большое количество коней*:

马群 mǎqún – табун лошадей: 马 лошадь + 群 много.

В китайском языке в рамках гнезда представлены именованная пастухов – взрослых и подростков. Крайне редко употребляется 马夫 [mǎ fu], наиболее часто употребление 养马员 [yǎngmǎ yuán], где формально представлено действие, совершаемое конюхом. Кучер также выполняет действие конюха (кормит коней), однако по профессии он является кучером, на что указывает формально представленное средство работы – телега.

В китайском языке лексема 马 [mǎ], как уже сказано выше, переводится как «лошадь», «конь». В то же время в устной речи в использовании данной лексемы проявляются гендерные различия:

母马 [mǔ mǎ] – кобыла, кобылица, где «мать» + «лошадь»;

公马 [gōng mǎ] – жеребец, конь, где «мужской» + «лошадь» [Синьхуа цзы дэнь, 2004].

В русском и телеутском языках слова *объездчик, кучер, попона, кормушка для коня, плетка для коня, сбруя, упряжь, подкова, кобыла, табун* не входят в состав анализируемого гнезда.

В культуре телеутов конь занимает также особое место. На протяжении кочевого образа жизни лошади для этого народа имели сакральное значение: участвовали в обрядовых действиях, выступали культовым объектом поклонения и почитания. Относительно недавно телеуты стали вести оседлый образ жизни, большую значимость конь приобретает в ведении хозяйства, служит источником получения молочных и мясных продуктов питания. В телеутском языке обнаружены типизированные устойчивые словосочетания, объединенные в рамках гнездовых пространств с вершинными словами *мал* и *ат*. Оба гнезда представляют пропозиционально связанные фрагменты национальной языковой картины мира телеутов. В телеутском языке лексема *мал* является многозначной – она обозначает и рогатый скот, и коня. Лексема *ат* в типизированных устойчивых словосочетаниях обозначает коня.

Гнездо с вершиной *мал* включает устойчивые словосочетания, реализованные в следующих пропозициональных структурах и пропозициях:

ПС «место – действие – объект» – П «пастбище для коня» (*мал кўзедер јер*);

ПС «субъект – действие – объект» – П «тот, кто пасет (коней)» (*мал кўзечи*);

ПС «результат – действие – объект» – П «мясо коня» (*мал эди* – конина).

Такое пропозициональное представление коня в смысловой структуре гнезда типично для оседлого образа жизни телеутов. Таким образом, в телеутском и китайском языках наименование пастбища входит в состав анализируемого гнезда. В русском языке есть два пропозиционально связанных между собой слова: *пастбище* и *коневище*, являющихся словообразовательно-пропозициональными синонимами [Араева, 2015] и входящих в разные гнездовые пространства (ср. также *конюх* и *пастух*). Данные языковые факты выявляют дискурсивность мышления человека и размытость границ гнезд однокоренных слов.

В гнезде с ядерным словом *ат* обнаруживается набор типизированных устойчивых выражений, представляющих архаичную систему суждений телеутского народа о конях. В смысловой структуре членов гнезда с ядерным компонентом *ат* реализуется прагматическая значимость онтологических качеств животного. «В современном телеутском языке многие названия мастей сохранились, но активно они уже не используются. Это объясняется отсутствием лошадей ряда мас-

тей, которые раньше выводились. Наименования *олӧ ат* (красно-пегая), *қара ат* (чалая) воспринимаются информантами как незнакомые, давно забытые» [Языковая картина мира телеутов, 2016, с. 117].

В рассматриваемом гнезде в телеутском языке была разветвленная древняя система наименований коней по масти. По словам информанта И. М. Потаповой (жительница с. Беково, 1952 г. р.), чей отец занимался разведением лошадей, мастям этих животных присущи разные оттенки (белый, красный, темный, светлый и т. п.). Этим, на наш взгляд, объясняется наличие устойчивых сочетаний, которые телеуты в прошлом использовали для обозначения коня определенной масти. Так, для наименования коня саврасой масти были характерны устойчивые словосочетания: *ақ қоңыр ат* – белый саврасый конь, *қара қоңыр ат* – черный саврасый конь, *қызыл қоңыр ат* – красный саврасый конь. «Каждая из приведенных единиц демонстрирует индивидуальный ракурс восприятия масти коня, когда на первый план выходит один конкретный признак (оттенок)» [Там же, с. 118]. Подобные наименования можно обнаружить в азербайджанском языке (см. словарную статью с заглавной лексемой *qonur* в толковом словаре азербайджанского языка) [Ogucov, et al., 2016, с. 3, s. 179].

В китайском языке, как и в телеутском, именованья коней по масти представлены в пределах одного гнезда. Ср.: *乌马* [wū mǎ] ‘вороня лошадь’ (*乌* ‘черный’, *马* ‘лошадь’); *淡栗色马* [dàn lì sè mǎ] ‘светло-каштановая лошадь’ (*淡栗* ‘светло-каштановый’, *色* ‘цвет’, *马* ‘лошадь’) и др. [Дю Бань, 2011]. Смысловая структура этих именованья детерминирована ПС «объект по внешнему признаку». В русском языке именованья коней по масти входят в разные гнезда.

В гнездах с ядерными компонентами *мал* и *ат*, формирующих культурно значимые участки деривационного пространства телеутского языка, отсутствуют лексемы, обозначающие детенышей лошади. Жеребята называются в зависимости от возраста: *сарбага* ‘жеребенок-сосунок до года’, *јабага* ‘жеребенок с года до двух лет’, *қунан* ‘жеребенок двух-трех лет’ и др.

В русском языке в рассматриваемом гнезде представлены пропозиции: **место содержания и разведения коней**: конюшня, конеферма, конезавод, конесовхоз; **работник, ухаживающий за конями**: конюх, конопас, коновал «лечит коня, занимается коновальством»; **место выпаса коней**: коневийце (пастбище); **лицо, занимающееся кражей коней**: конокрад крадет коня, занимается конокрадством, коневодит.

Наименование мяса животного в русском языке происходит по продуктивной модели, путем присоединения к корню форманта -ин/а/ и его варианта -атин/а/: *конина* и малораспространенное *лошадятина*. В телеутском и китайском языках наименование мяса коня входит в типизированный ряд устойчивых словосочетаний, образованных от названия животного с прибавлением суффиксоида. Суффиксоиды могут выступать в качестве самостоятельных слов, но в пределах производных слов либо устойчивых словосочетаний выполняют функцию суффиксов – производят серийно, по одной модели производные единицы и устойчивые словосочетания, проявляя работу мозга по аналогии.

В телеутском языке для наименования мяса животного используется суффиксоид *эди* (это мясо). Ср.: *мал эди* – конина, *йыбран эди* – суслятина, *йй эди* – говядина и др. В китайском языке название мяса животного образуется также типизированным способом: к имени животного присоединяется суффиксоид *肉* [ròu] ‘мясо’. Ср.: *马肉* [mǎ ròu] ‘конина’, *猪肉* [zhū ròu] ‘свинина’, *鸡肉* [jī ròu] ‘курятина’, *鹿肉* [lù ròu] ‘оленина’ и др.

Ряд ситуаций, участником которых выступает рассматриваемое животное, в русском языке представлен в смысловой структуре дериватов, функционирующих в гнезде однокоренных слов с ядерным, вершинным компонентом *лошадь*.

Производные лексемы *лошадник/лошадница* и *безлошадник*, *лошадный*, *безлошадный*, *обезлошадеть*, *обезлошадить*, *обезлошадение*, *двухлошадный*, *мало-лошадный*, *многолошадный* выявляют значимость ситуаций наличия/отсутствия лошади в хозяйстве. То есть в данном гнезде характеризуется не лошадь, а человек – по наличию/отсутствию у него лошадей. Примеры свидетельствуют о семантической специализации гнезда с вершиной *лошадь* в русском языке. В русских говорах отмечены также слова *лошевод*, *безлошадить*, *лошонок* [Катышев, 2005, с. 22].

Анализ пропозиционально-семантического наполнения рассмотренных гнезд, организующих деривационное пространство разноструктурных языков, проявляет многоаспектное видение коня и связанных с ним реалий. В гнездах русского, китайского и телеутского языков фрейм «коневодство» реализуется в пределах единых пропозициональных структур: *субъект – действие – объект; средство – действие – объект; место – действие – объект; результат – действие – объект*. То есть в разноструктурных языках в пределах гнездового пространства значимыми оказываются: субъект, ухаживающий за конями; место содержания коней; средства ухода за конями; продукт, получаемый от коня. Лексемы с данными значениями представлены во всех рассматриваемых языках, т. е. они являются первыми, обозначают реалии, с которыми человек, содержащий коня, имеет дело повседневно. Одновременно наименования детенышей коня в телеутском языке находятся в пределах других гнезд, несмотря на то, что в этом языке названия детенышей животных типизированы. В русском языке наряду с *жеребенком* в говорах существует лексема *лошаденок*. Но нет такого слова, как *коненок*. Наименование ипподрома в китайском языке, в отличие от русского, обнаружено в границах анализируемого гнезда. Названия коней по масти в китайском и телеутском языках зафиксированы в пределах гнезда с ядерным словом *конь*, в русском языке наименования коней по масти отмечены в других гнездах. Данные факты свидетельствуют о своеобразной категоризации мира разными языками: ядерные единицы в гнездовом пространстве одних языков могут отсутствовать в гнездовых пространствах других языков.

Пропозициональное устройство языков позволяет применить пропозиционально-фреймовую методику при описании и изучении комплексных единиц словообразования.

Ценность такой методики объясняется ее применением в типологических исследованиях в области словообразования и межкультурной коммуникации. Описание и объяснение пропозиционально-фреймового устройства участков словообразовательной системы разноструктурных языков (словообразовательных типов, гнезд однокоренных слов), в совокупности организующих непрерывное деривационно-мотивационное пространство, во-первых, позволяет выявить доминирующие типологические закономерности в работе словообразовательного механизма, во-вторых, способствует обнаружению собственно языковых, когнитивных и культурных особенностей носителей языков. Учет такого рода особенностей является одним из условий эффективной межкультурной коммуникации.

В дальнейшем целесообразно представленную методику изучения и описания словообразовательных ресурсов разноструктурных языков адаптировать к лексикографической практике, к созданию сопоставительных электронных словарей пропозиционально-фреймового типа, в которых деривационная система разных языков получит обоснование в терминах когнитивной лингвистики.

Описание гнезд однокоренных слов и типизированных устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом в аспекте пропозиционально-фреймового моделирования в разноструктурных языках облегчает изучение этих языков, представляет особую значимость для переводчиков, дает возможность проникновения в этническую языковую картину мира. Пропозициональная связанность

характерна не только для однокоренных слов, типизированных устойчивых словосочетаний с единым ядерным компонентом, но и для разнокоренных дериватов, что делает возможным создание на едином методологическом основании учебников для изучения иностранных языков.

Список литературы

Араева Л. А. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. Москва; Саратов: Амирит, 2015. С. 154–164.

Баранова З. И., Котов А. В. Большой русско-китайский словарь. М.: Живой яз., 2010. 568 с.

Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983. 1104 с.

Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Доу Бань. Сянь дай хань юй цы хуэй сюэ [豆瓣. 现代汉语词汇学] Доу Бань. Лексикология современного китайского языка. Шанхай: Сюэлинь Пресс, 2011. 285 с. (На кит. яз.).

Катышев П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 260 с.

Крючкова О. Ю. Деривационные подсистемы как носители концептуальной информации // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, г. Москва, Мос. гос. ун-т, филол. фак., 18–21 марта 2004 г.: Тр. и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 282.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 390–458.

Кэртепе А. М. Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта (на материале словообразовательных гнезд и словообразовательной категории со значением женскости в русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 23 с.

Образцова М. Н. Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов (на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 265 с.

Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда. М.: Либроком, 2013. 304 с.

Русско-телеутский словарь / Под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой, Н. М. Рюмина. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. 192 с.

Семенов А. Л. Лексика китайского языка. 2-е изд., стер. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 127–219.

Синьхуа цзы дянь (да цзы бэнь) [新华字典 (大字本)]. Иероглифический словарь Синьхуа (крупная печать). 10-е изд. Пекин: Шан ву инь шу гуань, 2004. 908 с. (На кит. яз.).

Телеутско-русский словарь / Под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. 120 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1990. Т. 1. 856 с.

Фу Хуайцин. Сяньдай ханьюй цсыхуэй [符淮青。现代汉语词汇]. Фу Хуайцин. Лексика современного китайского языка. 2-е изд., доп. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2004. 254 с. (На кит. яз.).

Языковая картина мира телеутов: Моногр. / Л. А. Араева, Л. А. Булгакова, Л. С. Калентьева и др.; Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2016. 237 с.

Orucov Ə., Abdullayev B., Rəhimzadə N. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 4 cildə: 3 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 672 s.

L. A. Araeva¹, M. N. Obraztsova², A. V. Proskurina³,
F. E. Abdullayeva⁴, Guo Lihong⁵

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ araeva@list.ru, ² maria_obraztsova@mail.ru, ³ proskurina@yandex.ru

⁴ fatima2888@mail.ru, ⁵ guolihong2477@126.com

**Realization of thought in a language:
propositional frame-based organization of single-root word nests
and stable word combinations with a single nuclear component in different languages**

The purpose of this research is to reveal the specificity of cognition of the world by a person within the range of such a derivational category as a nest of single-root words and stable phrases with a single core component in multi-structural languages. The authors carry out the approbation of the method of propositional frame-based modeling of single-rooted words and established collocations with a common core component within the frame of «horse» in Russian, Teleut, and Chinese. The lexemes and idioms of mutation semantics are analyzed.

The consideration of the propositional-semantic filling of nests within the frame “horse breeding”, organizing the derivational space of multi-structural languages, reveals the multidimensional vision of a horse and the associated realities with it. The frame «horse breeding» is implemented within common propositional structures in the nests of the Russian, Chinese and Teleut languages: «subject – action – object»; «tool – action – object»; «place – action – object»; «result – action – object». It means that of significance in multi-structural languages within the nesting space are: the person taking care of horses; the place of horses; horse care products; products obtained from a horse. The lexemes with these meanings are presented in all languages studied, that is, they are core lexemes, denoting the realities with which a person having a horse deals on a daily basis. At the same time, the names of horse colts in the Teleut language are within the limits of other nests, despite the fact that the names of animal cubs are typified in this language. Along with *zheryonok* (a foal) in dialects, there is a lexeme *loshadyonok* (a foal) in the Russian language. However, there is no such a word, as *konyonok*. In contrast to Russian, the naming of a racetrack in Chinese was found within the boundaries of the nest analyzed. The names of horse colors in the Chinese and Teleut languages are fixed within one nest with the core word «horse». In Russian horse names, the colors are noted in other nests. These facts testify to the peculiar categorization of the world in different languages: the core units in the nesting space of some languages may be absent in the nesting spaces of other languages.

Keywords: multi-structural languages, propositional-frame modeling, nest of single-root words or stable word combinations with a single vertex component, word-formation type, ethnic linguistic worldview.

DOI 10.17223/18137083/65/19

References

Araeva L. A. Odnа iz samykh zagadochnykh sfer yazyka (k voprosu o slovoobrazovatel'no-propozitsional'noy sinonimii) [One of the most mysterious spheres of language (to the question of word-formative-propositional synonymy)]. In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V. E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: On the 80th anniversary

- of V. E. Goldin]. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin (Eds). Moskva, Saratov, Amirit, 2015, pp. 154–164.
- Baranova Z. I., Kotov A. V. *Bol'shoy russko-kitayskiy slovar'* [The big Russian-Chinese dictionary]. Moscow, Zhivoy yaz., 2010, 568 p.
- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar': V 4 t.* [The big Chinese-Russian dictionary: in 4 vols]. I. M. Oshanin (Ed.). Moscow, Nauka, 1983, 1104 p.
- Dou Ban. *Xian dai hanyu ci hui xue* [豆瓣. 现代汉语词汇学]. Dou Ban'. [Lexicology of modern Chinese]. Shanghai, Xuelin chu ban she, 2011, 285 p. (In Chinese).
- Fu Huaqing. *Xiandai hanyu cihui* [符淮青. 现代汉语词汇. 北京: 北京大学出版社]. [Vocabulary of Modern Chinese]. Beijing: Beijing Daxue chu she ban, 2004, 254 p. (In Chinese).
- Gumbol'dt fon V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress, 1984, 400 p.
- Katyshev P. A. *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy* [Polymotivation and the semantic multidimensionality of the word-form]. Tomsk, TSU, 2005, 260 p.
- Kertepe A. M. *Makroedinitiy slovoobrazovaniya kak formy yazykovoy ob'ektivatsii kontsepta (na materiale slovoobrazovatel'nykh gnezd i slovoobrazovatel'noy kategorii so znacheniem zhenskosti v russkom yazyke)* [Macro units of word formation as a form of linguistic objectification of the concept (on the material of word-building nests and word-formative category with the meaning of femininity in Russian)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Saratov, 2010, 23 p.
- Kryuchkova O. Yu. Derivatsionnye podsistemy kak nositeli kontseptual'noy informatsii [Derivational subsystems as carriers of conceptual information]. In: *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunar. kongress issledovateley russkogo yazyka, g. Moskva, Mos. gos. un-t, filol. fak., 18–21 marta 2004 g.: Tr. i materialy* [Russian language: historical destinies and modernity: II Mezhdunar. Congress of Russian Language Researchers, Moscow, Mos. state Univ., filol. Fak., March 18–21, 2004: Works and materials]. Comp. by M. L. Remneva, O. V. Dedova, A. A. Polikarpov. Moscow, MSU, 2004, p. 282.
- Kubryakova E. S. Rol' slovoobrazovaniya i proizvodnogo slova v obrabotke znaniy [The role of word formation and the derivative word in the processing of knowledge]. In: Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, pp. 390–458.
- Obraztsova M. N. *Kognitivno-diskursivnoe opisaniye gnezda odnokorennnykh slov (na materiale pchelovodcheskoy leksiki russkikh narodnykh govorov)* [Cognitive-discursive description of the family of words (on the material of beekeeping vocabulary of Russian folk dialect)]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2013, 265 p.
- Orucov Ə., Abdullayev B., Rəhimzadə N. *Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 4 cildə: 3 cild.* [Explanatory dictionary of Azerbaijani language: in 4 vols. Vol. 3]. Baku: East-West, 2006, 672 p.
- Osadchiy M. A. *Odnokorennaya leksika russkikh narodnykh govorov: Freymovaya struktura gnezda* [The root vocabulary of Russian folk dialects: The frame structure of the family of words]. Moscow, Librokom, 2013, 304 p.
- Russko-teleutskiy slovar'* [Russian-Teleut dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. M. Ryumin (Eds). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2002, 192 p.
- Semenas A. L. *Leksika kitayskogo yazyka. 2-e izd., ster.* [Chinese vocabulary. 2nd ed., Ster.]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2005.
- Sepir E. Status lingvistiki kak nauki [The status of linguistics as a science]. In: *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the world]. Moscow, St. Petersburg, Terra Fantastica, 2003, pp. 127–219.
- Teleutsko-russkiy slovar'* [The Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva (Ed.). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1995, 120 p.
- Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slova' russkogo yazyka: V 2 t.* [Word formation dictionary of the Russian language: in 2 vols]. Moscow, Rus. yaz., 1990. Vol. 1, 856 p.
- Xinhua zidian (da zi ben)* [新华字典 (大字本)]. 北京: 商务印书馆. [Xinhua Hieroglyphic Dictionary. 10th Ed]. Beijing: Shangwu yin shuguan, 2004, 908 p. (In Chinese).
- Yazykovaya kartina mira teleutov: Monogr.* [The language picture of the world of Teleuts]. By L. A. Araeva, L. A. Bulgakova, L. S. Kalent'eva i dr. Kemerovo, KemSU, 2016, 237 p.